

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. М. ДЯКОНОВ

О ЯЗЫКАХ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

I

В связи с привлекающими большое внимание научной общественности проблемами этногенеза народов Закавказья и — более широко — современного Востока существенное значение получил вопрос о связи их с народами древних восточных цивилизаций. В литературе вопрос об этой связи обычно решается положительно, как в культурно-историческом, так и в чисто лингвистическом плане¹.

В ряде учебников и в специальных этногенетических работах² можно встретить утверждение о наличии прямого родства как между самими вышеуказанными народами, так и непосредственно между их языками, т. е., с одной стороны, кавказскими или «иберийско-кавказскими» языками, с другой — теми языками народов Древнего Востока, которые не входят ни в семитскую, ни в индоевропейскую языковую семью и которые, по этому негативному признаку, объединяются под одним общим названием. Название это различно в зависимости от конкретных установок того или иного автора и от научного направления, которого он придерживается. Наиболее обычно обозначение этих языков как «азианических» (П. Кречмер), «яфетических» или «третьего этнического элемента» (Н. Я. Марр). В последнее время большое распространение приобрел термин «хеттско-иберийские» («хетто-иберийские») языки (С. Н. Джанашиа, А. С. Чикобава и др.)³.

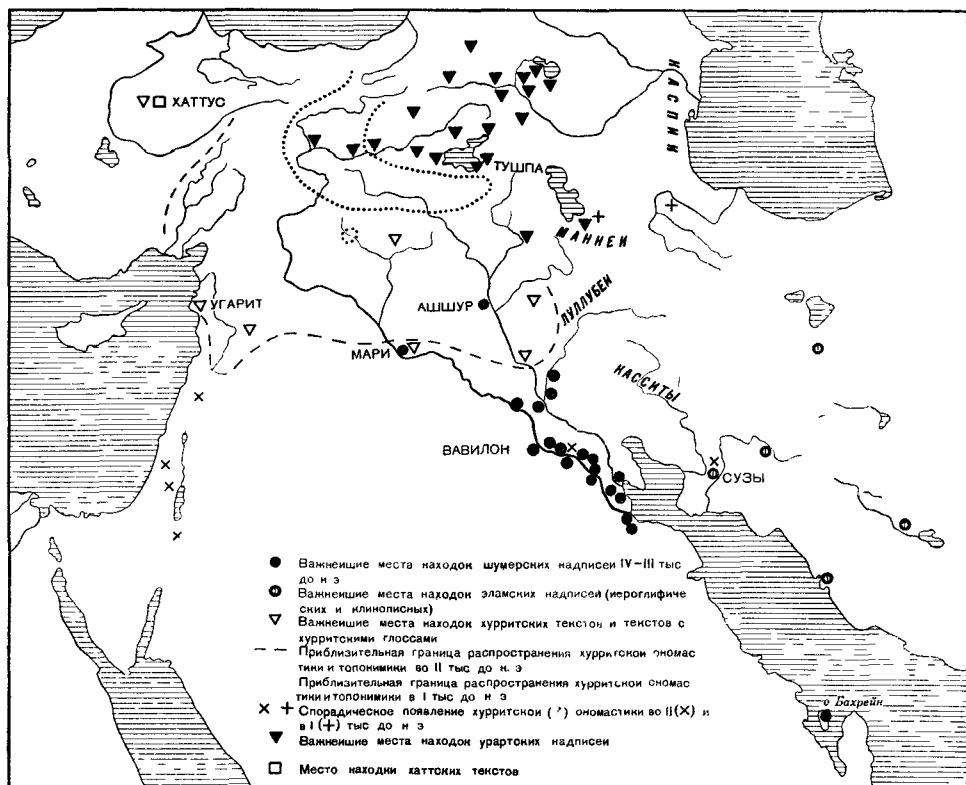
Объем последнего термина не всегда мыслится одинаково. Типичным,

¹ См. статью Е. А. Бокарева «Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков» («Вопросы языкознания», 1954, № 3), которая ставит вопрос о проверке правильности такого решения.

² См., например: С. Н. Джанашиа, Тубал-табал, тибарен, ибер, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [Груз. филиала АН СССР]», I, Тбилиси, 1937 [на груз. языке, резюме на рус. языке]; е го же, Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [Груз. филиала АН СССР]», V—VI, Тбилиси, 1940 [на груз. языке]; Г. А. Меликишвили, О происхождении грузинского народа, Тбилиси, 1952; е го же, Урарту. Научно-популярный очерк по истории предков грузинского народа, Тбилиси, 1951 [на груз. языке]; Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947 [обл.: 1948], стр. 247 и сл.

³ Встречаются также термины «алародийские» или «каспийские» языки. (Последний термин введен Г. Хюзингом и поддержан Э. Херпфельдом.) Объем этих терминов довольно неопределен. Нам приходилось встречать в таком обобщающем смысле даже термин «хурритские языки» (с включением в них, например, эламского, хотя между хурритским и эламским нет ничего общего). Что касается термина «хеттско-иберийские языки», то его следует признать крайне неудачным уже потому, что в громадной лингвистической литературе «хеттским» называется индоевропейский неситский язык. Если отказываться от термина «кавказские языки» на том основании, что на Кавказе имеются отдельные языки индоевропейской и тюркской семьи, то следует отказаться и от применения столь многозначного термина, как «хеттский», для обозначения

однако, следует считать подход к понятию «хеттско-иберийских языков», например, в определении термина «Иберийско-кавказские языки» в БСЭ² (статья К. В. Ломтатидзе и А. С. Чикобава): «Группа родственных самобытных языков, пережиточно сохранившихся ныне лишь на Кавказе и являющихся живыми представителями обширного круга хеттско-иберийских (или азианических) языков, не родственных ни индоевропейским, ни семитическим, ни туранским (тюрко-татарским) языкам. Хеттско-иберийские языки были распространены на

территории Передней Азии и Средиземноморья задолго до появления здесь народов, говорящих на семитических, индоевропейских и туранских языках» (разрядка моя.— И. Д.). Это определение, из которого следует отождествление «хеттско-иберийских» языков с «третьим этническим элементом» и включение в это понятие всех несемитских и неиндоевропейских языков древней Передней Азии, по существу имеется в виду и в статье БСЭ² «Грузинский язык» (А. С. Чикобава), и в ряде других работ. Оно вызывает сомнение во многих отношениях. В частности, семитские языки засвидетельствованы в Передней Азии приблизительно столь же рано, как и «азианические»⁴, а есть основание (ср., например, работы

языковой семьи, включающей в лучший случае лишь один из «хеттских» языков. Как известно, в древневосточных текстах «хеттами» называются все вообще народы Малой Азии, а позже — также народы Сирии, Финикии и даже Палестины, в том числе — говорившие на индоевропейских и семитских языках.

⁴ Во всяком случае, с начала III тысячелетия до н. э., а семито-хамитский египетский язык известен в Средиземноморье уже и в IV тысячелетии.

В. Георгиева) предполагать столь же большую древность в районе Средиземноморья и для индоевропейских языков.

Под названием «азианических», «яфетических» или «хеттско-иберийских» языков понимается некое единство (не всегда воспринимаемое как семья языков: на позднем этапе развития теории Н. Я. Марра оно считалось «языковой стадией»), включающее, с одной стороны, основные языки Кавказа и Закавказья (кроме индоевропейских и тюркомонгольских языков этого района), а с другой, упомянутые языки Древнего Востока, не входящие в семитскую и индоевропейскую семьи.

Песмотря на широкую распространенность представления о существовании такого языкового единства, нам это представление кажется не соответствующим известным до сих пор фактам. Конечно, вряд ли может подвергаться серьезному сомнению антропологическая и в не малой мере также и культурно-историческая преемственность между древними народами Передней Азии и Закавказья, с одной стороны, и, с другой, такими современными народами, как грузины, армяне и другие народы, населяющие закавказские территории (в том числе, например, и азербайджанцы). Однако вопрос о лингвистической преемственности и о лингвистическом родстве — это вопрос совершенно особый. Нам представляется, что не только безоговорочное отнесение современных кавказских языков и различных языков Древнего Востока к одной общей языковой группе на основе их предполагаемого материального родства не может в данное время считаться обоснованным, но и сами так называемые «азианические» языки Древнего Востока также вовсе не представляют единства. Последнее положение является в данном случае наиболее важным, потому что если сравниваемые с кавказскими языками языки Древнего Востока порознь не родственны между собой, то очевидно, что они не могут быть все вместе родственны какой-либо ныне существующей языковой семье.

Мы считаем, что утверждение о наличии «азианического» или «хеттско-иберийского» языкового единства основано в некоторых случаях на недостаточном знании фактов древневосточных языков, в других — во всяком случае, на недостаточно строгом подходе к языковому сравнению⁵.

Нельзя отрицать, что имеется ряд черт, общих для всех или большинства языков Древнего Востока. Сюда относятся, например, такие фонетические явления, как отсутствие долгих звуков, кроме некоторых чисто комбинаторных случаев (это характерно, повидимому, для языков шумерского, хурритского, урартского и, может быть, эламского), большее значение деления согласных звуков по степени напряженности артикуляции, чем по звонкости (хурритский, может быть, эламский, хеттский, неситский и, возможно, хаттский, в какой-то мере и шумерский), или же выделение звуков с напряженной артикуляцией в третий ряд параллельно рядам глухих и звонких согласных (так в аккадском и других семитских языках и в несколько ином виде — в урартском)⁶.

⁵ О взаимном родстве древневосточных языков весьма осторожно высказывается в последнее время, например, А. В. Десницкая [см. ее статью «Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков» («Вопросы языкознания», 1952, № 4)]. Положение о родстве этих языков отсутствует в новых советских изданиях учебников по истории Древнего Востока. За рубежом твердо воздерживается от всяких поспешных сопоставлений древневосточных языков между собой, например, один из лучших специалистов в области редких языков древней Передней Азии И. Фридрих.

⁶ В урартском, так же как в семитских языках и ряде кавказских, имелись, повидимому, напряженные согласные наряду с глухими и звонкими, хотя артикуляция их отличалась от артикуляции соответствующих семитских типов согласных. В хурритском различие между глухими и звонкими, в основном, комбинаторное.

Сюда относятся также такое (распространенное и во многих других языках) грамматическое явление, как эргативная конструкция, и связанные с ним вторичные явления: формальное деление глаголов на переходные и непереходные, отсутствие четко выраженной системы залогов (противопоставления актива и пассива), наличие одного (эргативного) падежа для субъекта переходного глагола и другого (абсолютного, обыкновенно неоформленного) падежа одновременно для субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола, а также для выражения обращения, категорического утверждения, определяемого, стоящего перед определением, и т. д. Весь этот комплекс явлений наблюдается в шумерском, хурритском (как кажется, не по всем видо-временным категориям глагола), урартском и, частично, эламском. Но характерно, что явные пережитки эргативной конструкции наблюдаются и в наиболее рано засвидетельствованном из семитских языков — аккадском (ассиро-вавилонском) ⁷. В то же время в наиболее близком к семитской ветви из других языков семито-хамитской семьи — в древнеегипетском наблюдаются пережитки не эргативной, а поссесивной конструкции ⁸.

К чертам, общим для большинства языков Древнего Востока, относятся также некоторые лексические явления, как, например, обозначения терминов родства «отец» и «мать» [шумер. *a*, *a(d)* «отец», *ama* «мать»; хуррит. *atta(i)* «отец», *amma* «мать»; хет.-несит. *attas* «отец», элам. *atta* «отец», *amma* «мать»; ср. также за пределами древней Передней Азии — греч. *ἄττα*, лат. *atta*, гот. *aita*, алб. *at*, ирл. *aite*, русск. *от-ец* < **att-*, а также турецк. *ata* и многие другие] ⁹.

Как видно из приведенных примеров, многие из явлений этого рода объединяют не только так называемые «азианические» языки, но захватывают и область распространения семитских и индоевропейских языков. Поэтому данная группа явлений, даже в той мере, в какой она выходит за пределы чисто структурных сходств и захватывает область лексики, не может служить критерием родства рассматриваемых языков и принадлежности их к одной группе. Что касается эргативной структуры предложения, то очевидно, что наличие ее в двух каких-либо языках может считаться свидетельством их материального родства не более, чем наличие номинативной структуры предложения свидетельствует о родстве финно-угорских, семитских, индоевропейских, тюрко-монгольских языков.

Если же говорить не о родстве данных языков, в смысле принадлежности к одной языковой семье, а более неопределенно — о «круге» языков, как это делают К. В. Ломтатидзе и А. С. Чикобава в цитированной выше формулировке, то, не говоря о расплывчатости этого понятия, легко

⁷ Эти предположительные пережитки заключаются в следующем: а) падежное окончание *-u(m)* выражает в древнейшем аккадском только субъект глагола и локативное отношение; обращение, категорическое утверждение, определяемое перед определением, именное сказуемое и т. д. выражаются не этим (именительным) падежом, а неоформленной основой; б) наряду со спрягаемой формой глагола с личными префиксальными субъектными показателями, повидимому восходящими к косвенным падежам личного местоимения, имеется глагольная форма с суффиксальными личными местоимениями в прямом падеже, первоначально выражавшая только состояние; в) отсутствуют залогов.

⁸ См. М. Э. М а т ь е, Основные черты древнеегипетского глагола, «Ученые записки [ЛГУ]», № 128, Серия востоковед. наук, вып. 3, 1952, стр. 220.

⁹ Тот или иной отдельный изолированный факт морфологии того или иного древневосточного языка также может порой обнаруживать сходство (скорее всего, внешнее и случайное) с каким-либо фактом другого языка Древнего Востока или какого-либо кавказского языка; однако эти сходства не составляют никакой системы. Следует также учитывать возможность лексических заимствований.

увидеть, что на основе тех черт, которые действительно являются общими для данных языков, в этот круг можно включить и заведомо семитские, индоевропейские и другие языки. Тем самым встанет под вопрос целесообразность самого терминологического объединения данных языков, ибо не ясно, в чем же заключается это единство и является ли оно генетическим. Кроме того, в этом случае нельзя ни определить границы этого «круга», ни утверждать, что «иберийско-кавказские» языки являются его единственными живыми представителями. Очевидно, речь идет все же не об этом, а о действительном, так называемом материальном, родстве «иберийско-кавказских» языков с «азиатическими» языками Древнего Востока.

В качестве критерия такого родства возможно рассматривать только факты материала основного словарного фонда, а также материальные элементы морфологии. При таком подходе известные нам древневосточные неиндоевропейские и несемитские языки ясно распределяются по трем группам, не считая хаттского, иначе «протохеттского», выделяемого в особую группу.

Хотя нельзя совершенно отрицать возможности того, что между этими четырьмя группами при дальнейшем накоплении материала и более глубоким анализе будут обнаружены в материальном отношении те или иные точки более или менее близкого соприкосновения, однако, на основании имеющихся пока данных, языки, принадлежащие к какой-либо из этих групп, представляются резко прогивостоящими языкам других групп, как языки различных языковых семей.

Если между хеттским-неситским и другими индоевропейскими языками обнаруживается явственная связь, несмотря на тысячелетия, разделяющие их во времени, то шумерский, эламский, хурритский пока не обнаруживают достаточно определенного материального схождения — ни друг с другом, ни с какими бы то ни было ныне существующими языками. Лишь хаттский язык, который столь же обособлен от других древневосточных языков¹⁰, все же являет, повидимому, известные черты схождения с иберокартвельскими и, возможно, с абхазо-черкесскими языками¹¹.

К сожалению, данные, которые могли бы послужить для сравнения тех или иных современных языков с теми или иными древневосточными, не входящими в известные до сих пор языковые семьи, разбросаны частично по трудно доступным для лингвиста изданиям или изданы в таком виде, что изучение материала требует предварительной подготовки в смысле знания законов клинописной графики и ее транслитерации и т. п. Во всяком случае, для правильного суждения об этом вопросе далеко не лишним было бы дать в руки нашей более широкой лингвистической общественности в сводном виде, с учетом новейших полученных в этой области данных, конкретные сведения о языках, относительно которых высказывается столь много разнообразных суждений.

Ниже мы приводим краткое описание основных древневосточных языков, не входящих ни в индоевропейскую, ни в семитскую семью языков.

¹⁰ Следует подчеркнуть резкое различие в грамматическом строе, в частности между хаттским и хуррито-урартской группой; так, хаттский, повидимому, не имеет показателей падежных отношений, изменение глагола строится в нем преимущественно на префиксации, в то время как в хурритском и урартском языках падежные показатели многочисленны, а префиксы совершенно не применяются. Фонетика и лексика хаттского, с одной стороны, и хурритского и урартского, с другой, также, повидимому, существенно различны.

¹¹ На этом основании, если бы родство хаттского с указанными языками подтвердилось, его можно было бы включить прямо в число кавказских, но это не дает повода для постулирования особой «хетто-иберийской» семьи.

II

1. Шумерский язык¹²

Наши сведения о фонетическом составе шумерского языка зависят от довольно несовершенной передачи звучания шумерских слов средствами аккадской клинописной графики. Приблизительный фонетический состав его таков:

Г л а с н ы е: *a, e, i, u*. Дифтонгов нет. Конечные гласные имеют тенденцию к отпадению.

С о г л а с н ы е: *m, b, p; n, d, t, z, s, š; ɣ, g, k, ɥ (= ɣ?); l (=, вероятно, ʔ), r*. Взрывные и, реже, щелевые согласные в конечном положении отпадают.

Основа — как имени, так и глагола — неизменяемая и первоначально, повидимому, обычно двусложная, позже часто односложная. В пределах одной основы возможно употребление только одного определенного гласного; наличие в основе двух или более различных гласных указывает на ее составной характер.

В словарном составе шумерского языка имелось весьма много омонимов, различавшихся, вероятно, при помощи музыкального ударения. Сильного экспираторного ударения в шумерском, во всяком случае, не было.

Форманты присоединяются к основе по агглютинативному принципу, как суффиксально, так и в особенности префиксально.

Различаются имена класса людей и класса вещей.

Имя имеет единственное и различные виды множественного числа: коллективное, определенное, обобщающее, обобщающее-определенное, выражаемые путем удвоения основы или суффиксации различных показателей именного или местоименного происхождения. Система множественного числа неодинакова для класса вещей и класса людей.

Падежные отношения выражаются отделимыми показателями («послелогом»). Они помещаются после целой синтагмы, например после определяемого и определений или после определяемого и определительного придаточного предложения и т. п.; в конце такой синтагмы может скапливаться несколько падежных показателей («послелогов»), при этом в порядке, обратном порядку слов, к которым они относятся, например: «пастухам рунных овец»:

<i>sipa-</i>	<i>udu-</i>	<i>siki-</i>	<i>(a)k-</i>	<i>ak-</i>	<i>ene-</i>	<i>ra</i>
«пастух-»	«овца-»	«шерсть-»	род. пад.-	род. пад.-	мн. число-	дат. пад.

¹² Обобщенная основа грамматического изучения шумерского языка дана в книге А. Пёбеля (A. P o e b e l, Grundzüge der sumerischen Grammatik, Rostock, 1923), в освещении некоторых частных вопросов ныне уже устаревшей. Грамматика А. Деймеля (A. D e i m e l, Sumerische Grammatik, Roma, 1924), позже переизданная, в обоих изданиях не отвечает необходимым требованиям, так как построена почти исключительно на скудном грамматическом материале хозяйственных документов, причем автор в ряде случаев упорно цепляется за устаревшие толкования некоторых форм. Лучшей грамматикой в настоящее время, несмотря на ее формалистичность и неприемлемость некоторых морфолого-этимологических построений, является грамматика А. Фалькенштейна (A. F a l k e n s t e i n, Grammatik der Sprache Gudeas von Lagas, I, Roma, 1949).

Показатели падежей:

Эргативного падежа:	-e	Исходного падежа:	-ta
Родительного падежа:	-a(k)	Направительного падежа:	-šē
Дательного падежа:	-ra	Совместного и орудийного падежа:	-da
Местного падежа (инессив):	-a	Падежа сравнения:	-gim
Местного падежа (адессив):	-e		(-dīm?)

Субъект непереходного глагола, объект переходного глагола, обращение и т. п. особыми показателями не оформляются.

Наиболее сложной и не во всех частностях еще ясной категорией грамматики является глагол. Спрягаемая форма глагола должна содержать, по крайней мере: показатель направления(?) действия (*i-*, *tu-*, *al-* и некоторые другие), показатель субъекта и основу глагола.

Однако, помимо этих необходимых элементов глагольной формы, в ней могут присутствовать, преимущественно в виде цепочки префиксов¹³, показатель наклонения, показатель, повторяющий отраженные в предложении пространственные и некоторые другие отношения, показатель объекта действия (для переходных глаголов), показатель незавершенности (?) действия (*-ed*). Так, например: *ha-tu-na-ne-b-dū-e* «пусть он ему там его построит» [*ha-* — префикс пожелательного наклонения; *-tu-* — префикс направления действия; *-na-* состоит из местоименного элемента *-n-* и локативного или дательного послелога *-a* или *-(r)a*; *-ne-* состоит из того же местоименного элемента *-n-* и локативного (адессивного) послелога *-e*; *-b-*, повидимому, является показателем объекта при несовершенном виде глагола; *-dū* — основа; *-e* — показатель субъекта переходного глагола несовершенного вида].

Различается спряжение глаголов: а) переходных (два вида — совершенный и несовершенный), б) непереходных (без различения видов).

Глаголы переходные (*lal*
«отвечивать»):Глаголы непереходные (*gin*
«ходить»):

Вид совершенный

Ед. число		Мн. число		Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>tu-lal</i>	<i>tu-me-lal</i>		<i>tu-gin-en</i>	<i>tu-gin-enden</i>
2-е лицо	<i>tu-e-lal</i>	<i>tu-eme-lal?</i>		<i>tu-gin-en</i>	<i>tu-gin-enzen</i>
3-е лицо	}	<i>tu-b-lal</i>		<i>tu-gin</i>	<i>tu-gin-eš</i>
(люди)					
3-е лицо					
(вещи)	<i>tu-b-lal</i>				

Вид несовершенный

1-е лицо	<i>tu-lal-en</i>	<i>tu-lal-cnden</i>
2-е лицо	<i>tu-lal-en</i>	<i>tu-lal-enzen</i>
3-е лицо	<i>tu-lal-e</i>	<i>tu-lal-ene</i>

Особо следует отметить спряжение связки «быть», обычно приобретающей характер энклитики *-t*, которая спрягается как непереходные глаголы (*-ten*, *-men*, *-(ā)t*; *-menden*, *-menzen*, *-meš*).

От глагольной основы образуются: имя действия, состояния или объекта действия (основа + *a*), причастие и инфинитив долженствования (основа + *ed*, основа + *ed-a*). Чистая глагольная основа, повидимому, должна

¹³ Для повелительной формы — цепочки суффиксов.

рассматриваться как именная основа, от которой образован данный глагол.

Порядок слов в шумерском языке — строго определенный (определение после определяемого; субъект — косвенный объект — прямой объект — предикат). Для образования придаточного предложения предикат номинализуется путем присоединения локативного послелого *-a*, к которому затем могут присоединяться и другие послелогии, играющие в этом случае роль подчинительных союзов¹⁴, например: *inim, lugal-ane-e i-na-dug₄-a* «слово, которое господин его сказал ему»; *NN-e nam-lugal šu-ba-b-ti-a-ta* «после того, как NN взял царскую власть» (дословно: «NN царственность рукой-там-ее-взял-в-от»).

В качестве характерной черты шумерского языка следует отметить наличие особого женского говора, отличающегося от мужского главным образом в фонетическом отношении (замена $\eta > m$, иногда также $d > z$, $z > š$, $g > b$ и др.).

Примеры из лексики (основного словарного фонда):

Личные местоимения (ед. число): *ná (má)*, *za*, *ene*; притяжательные местоимения: *-mi*, *-zu*, *-ane* (для класса людей), *-be* (для класса вещей).

Имена существительные: *a*, *ad(a)* «отец», *ama* «мать», *šes* «брат», *dumi* «сын» и «дочь» (дочь обозначается как «сын-женщина»), *pá(b)* «старший дядя по отцу, дед», *dam* «супруг(а)»; *sa₃* «голова», *ugi* «темн», *ka* «рот», *igi* «глаз», *š_u* «рука, кисть», *á* «рука, бок, сила», *g_{ir}(i)* «нога», *eger* «спина», *mur_u(b)* «живот», *šá(g)* «сердце»; *ki* «земля», *an* «небо», *lú* «человек», *nita(h)* «мужчина», *di_{gi}r* «бог», *ur_u* «поселение», *kur* «гора, чужая страна, восток», *kanar*, *kalam* «(своя) страна», *é*, *èš* «дом», *íd(i)* «река, канал».

Глаголы: *ag(a)* «делать», *dù* «строить», *gin*, *ára* «ходить», *gub* «стоять», «класть», *ná(d)* «лежать», *gar* «класть», *du₁₁*, *dug₄* «говорить», *si₃*, *sim*, *sum* «давать», *è(d)* «выходить», *tu(r)* «входить», *tu(d)* «рожать».

Прилагательные: *gal(a)* «большой», *tur* «малый», *dùg* «хороший», *hul(u)* «злой», *húl(u)* «радостный», *tur-a* «больной, одержимый» — от глагола *tu(r)*.

Отрицания: *nu-*, *nam-* (входят в состав глагольных формантов).

Числительные: *aš*, *dili* «один», *min*, *min-a* «два», *eš* «три», *limu* < **lim*, **lim-a* «четыре», *i*, *i-a* «пять», *i-aš* «шесть», *i-min* «семь», *ussu* (?) «восемь», *i-limu* «девять», *(h)u* «десять», *š_uš*, *geš* «шестьдесят», *ner* «шестьсот», *šár* «круг, 3600».

Характерно использование комплексов «объект-предикат» для выражения одного понятия, например: *igi-du₈* «глядеть» (*igi* «глаз», *du₈* «открывать»); *š_u-ti* «брат», например: *š_u-ba-n-ti* «взял», дословно: «рукой-там-он-взял» (*š_u* «рука»); *igi-gar-ag* «проверять» (*igi* «глаз», *gar* «класть», *ag* «делать»); *sa₃-giš-ra* «убивать» (*sa₃* «голова», *giš* «дерево», *ra*, *ra_h* «ударять»); *gab-š_u-gar* «соперник» (*gaba* «грудь», *š_u* «рука», *gar* «класть»).

Очень характерно также использование значащих слов как словообразовательных элементов: *níg* «вещь», *en* «жрец», *níg-en-a(k)* «храмовая земля»; *nam* «судьба», *lugal* «царь», *nam-lugal-(ak)* «царская власть»; *ki* «земля, место», *sikil* «чистый», *ki-sikil* «девушка»; *ama* «мать», *siki* «шерсть», *ama-siki(-ak)* «пряжа».

Ср. также служебную роль значащих слов: *igi lugal-a(k)*, дословно: «глаз хозяина» = «перед хозяином»; *ki-lú-ta*, дословно: «место-человека-из» = «от человека» и многое другое.

¹⁴ Роль относительного местоимения «который» могут играть имена *lú* «человек» и *níg* «вещь».

Число заимствованных слов (из аккадского) ничтожно.

Следует сказать несколько слов о вероятном происхождении шумерийцев. Нет почти ни одной языковой семьи, с которой не пытались бы связывать шумерский язык¹⁵, но все выдвинутые до сих пор теории лишены убедительности.

Что касается происхождения самого народа, то, следуя Э. Мейеру, предполагают, что шумерийцы пришли в Южное Двуречье с востока или северо-востока¹⁶. Но хотя это предположение стало общим местом, те посылки, на которых оно первоначально базировалось, давно уже отвергнуты археологической наукой¹⁷. Сами шумерийцы считали, что они проникли в аллювиальную долину Тигра и Евфрата с юга, и у нас есть ряд оснований думать, что в течение III тысячелетия родственное шумерийцам население было распространено далеко по обоим берегам Персидского залива. Во всяком случае, оно засвидетельствовано на Бахрейнских островах. Повидимому, шумерийцы были первыми насельниками аллювиальных наносов в низовьях великих переднеазиатских рек¹⁸.

Начиная со второй четверти III тысячелетия до н. э., шумерский язык постепенно вытесняется у населения Двуречья семитским-аккадским — первоначально языком окрестного скотоводческого населения, затем оседающего среди северных шумерийцев. Новый язык распространяется с севера на юг¹⁹ и в первой половине II тысячелетия до н. э. окончательно вытесняет шумерский. После этого шумерским языком продолжали пользоваться как мертвым литературным еще около полутора тысяч лет.

¹⁵ О связи шумерского языка с «урало-алтайской» семьей говорили исследователи главным образом XIX века, т. е. периода, когда еще шумерские тексты не получили научной грамматической интерпретации: Н. Л. Вестергорд, Г. Раулинсон, Э. Норриес, Ж. Опперт, Ф. Ленорман, Ж. Менан, Дж. Смит, А. Г. Сэйс, Ф. Делич, Э. Шрадер, Ф. Хоммель; о связи с «африканскими» семьями языков — Х. Кларк (1872), точнее с суданскими — А. Дрексель; с дравидскими — Г. Хюзинг, А. Дрексель; с китайским — Болл; с индоевропейскими — Э. Хинкс, С. Лэнгдон, Ш. Отран; с кавказскими — В. Крамарж, Ф. Борк, Г. Хюзинг, М. Церетели, А. Тромбетти, Н. Я. Марр; с баекским — А. Г. Сэйс; с малайско-полинезийскими Штуккен; по В. Христиану, в шумерском словарный запас и отчасти морфология — семито-хамитские, фонетика и отчасти морфология африканская, тибето-дравидская и финно-угорская, грамматический строй — кавказский! Лет 50 назад Ж. Галеви и в России П. К. Коковцов совершенно отрицали реальное существование шумерского языка, считая его тайнописью («аллографией») ассирийско-вавилонского языка.

¹⁶ См.: E. Meyer, *Sumerier und Semiten in Babylonien*, Berlin, 1906; его же, *Geschichte des Altertums*, 3-e Aufl., Stuttgart — Berlin, 1913, § 362. См. также опубликованные в недавнее время работы Б. Грозного (например: В. Н. Грозный, *Nejstarší dějiny Přední Asie, Indie a Kréty*, [Praha, 1948]; Б. Грозный, *Доисторические судьбы Передней Азии*, «Вестник древней истории», 1940, № 3—4).

¹⁷ Обычные доводы сводятся к следующему: а) обозначение одним и тем же словом *kur* понятий «страна», «гора» и «восток»; б) строительство храмов в виде искусственной горы (зиккурата); в) название зиккурата и вообще храма *é-kur* «дом горы» — свидетельство горной и восточной природы шумерийцев. На это следует заметить, что: а) *kur* обозначает «гора», «восток» и «чужая страна»: своя страна так никогда не обозначается; б) зиккурат — не искусственная гора, а первоначально храм, воздвигнутый на платформе над заливаемой болотистой низменностью; в) *é-kur* обозначало первоначально только храм бога Энлиля в Ниппуре; зиккурат так никогда не назывался.

¹⁸ Очевидно, низовья Тигра и Евфрата долго были необитаемы. Достоверных археологических памятников старше IV тысячелетия до н. э. там нет.

¹⁹ Аккадские имена начинают встречаться на севере Южного Двуречья со второй четверти III тысячелетия до новой эры, на юге — с последней его четверти; часто в одной семье встречаются шумерские и аккадские имена. Ко II тысячелетию до н. э. число аккадских имен на крайнем юге Двуречья значительно; к XVIII в. число шумерских имен здесь не превышает 5—6%. Последние шумерские (диалектные) имена принадлежат царям династии Приморья, правившей на крайнем юге с XVIII по XVI в. до н. э.

2. «Алародийские» языки — хурритский и урартский

Хурритский и урартский языки²⁰ составляют явно родственную между собой группу. Однако систематического сравнения хурритского с урартским не производилось²¹. Предлагавшийся ранее в числе других обозначений для несемитских и неиндоевропейских языков Передней Азии термин «алародийские» языки лучше всего подходит именно к этой языковой группе, так как «алародии», повидимому, древнегреческое название урартов. Мы можем оба языка рассматривать вместе, несмотря на известные различия между ними.

В фонетическом отношении эти два языка, насколько можно судить по несовершенной клинописной графике²², различны. Хурритские гласные (а, е, і, о, u) имелись, повидимому, и в урартском; обоим языкам свойствен ряд дифтонгов. Но согласный состав их не совпадает: хурритские: *m, p, pp, v* (?), *f*; *n, t, tt, ts, z, š, z̄; k, kk, ḫ, γ* (?); *l, r* (=увулярное *R*?) и неслоговые гласные *i, ɥ*. (Удвоенные взрывные — это, повидимому, напряженные, не удвоенные — не напряженные, слабо озвонченные, после гласных — звонкие, вероятно с придыханием; вопросы долготы в хурритском не вполне ясны); урартские: *m, b, p, pʰ* (?), *v* (?); *n, d, t, tʰ, ts, dz* (?), *š, s; g, k, kʰ, γ* (?), *ḫ, (hʷ); l* (и *lʷ*), *r* (глухое, слабо вибрирующее, с придыханием (?); может быть, существовало и второе, сильно вибрирующее *r*) и, повидимому, *j, w* (= *ɥ*?). Возможно наличие и некоторых других звуков²³. Долгих нет — ни гласных, ни согласных. Характер ударения неясен, но, повидимому, сильным экспираторным оно не было.

Основа — как имени, так и глагола — неизменяемая. Характер огласовки основы произвольный. Основа, как правило, оканчивается на гласный²⁴.

В хурритском в основу, помимо корня, могут входить некоторые суффиксы, уточняющие значение основы и употребляемые обыкновенно при образовании прилагательных. Все форманты присоединяются к основе — преимущественно по агглютинативному принципу — только суффиксально.

Ни родов, ни классов нет. Имя имеет единственное и множественное

²⁰ Грамматический очерк хурритского языка см.: E. A. Speiser, Introduction into Hurrian, «Annual of the American schools of oriental research», XX, 1941; ср. J. Friedrich, Kleine Beiträge zur Churritischen Grammatik, Leipzig, 1939, и др. Наилучший пока грамматический очерк урартского языка принадлежит Г. А. Меликишвили [«Урартские клинообразные надписи» («Вестник древней истории», 1953, № 1)]. См. также: И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи. II — Структура речи, Л., 1935; J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, Leipzig, 1933.

²¹ Наиболее подробно об этом см. в указ. соч. Г. А. Меликишвили «Урартские клинообразные надписи», стр. 292 и сл.; о лексике этих языков см. пока статью И. М. Дьяконова «Заметки по урартской эпиграфике» («Эпиграфика Востока», IV, М.—Л., 1951, стр. 113, прим. 8), а также ряд замечаний в работах Г. А. Кананяна и др.

²² Несколько совершеннее передача звуковой стороны хурритского языка (только «согласных!») в своеобразном клинописном варианте финикийского алфавита (угаритское письмо или письмо Рас-Шамры). Кое-что выясняется также из сопоставления различных орфографических систем, применявшихся хурритами в разное время и в разных местах. О фонетике хурритского языка см.: E. A. Speiser, указ. соч.; его же, Notes on Hurrian phonology, «Journal of the American oriental society», vol. 58, № 1, Baltimore, Md., 1938, стр. 173 и сл.; о фонетике урартского языка автор статьи готовит специальную работу для «Трудов Института востоковедения АН СССР».

²³ В дальнейшем транскрипцию урартских слов даем традиционную, согласно вавилонскому произношению соответствующих знаков, т. е. соответственно: *m, b, p, r, ḫ; n, d, t, s, z, š, s; g, k, kʰ, ḫ, ḫ; l, r, l, ɥ*; гласные — *a, e, i, u, i*.

²⁴ В урартском чаще всего на *-i* (графически; в действительности, повидимому, аэ редуцированное *-ə*).

число. В хурритском обычный показатель множественности $-(a)\bar{z}$, сохраняющийся в урартском, повидимому, лишь пережиточно²⁵.

В урартском система падежей в единственном и множественном числах приобрела разные формы в результате взаимодействия падежных окончаний с показателем множественности $-a^{26}$. В абсолютном падеже, как не оформленном, признаком множественного числа служит $-li/e$, по происхождению — хурритское энклитическое личное местоимение 3-го лица множественного числа $-lla$ «они», выражавшее субъект именного сказуемого.

Важнейшие типы прилагательных (а также причастия) образуются при помощи специальных суффиксов: хурритских $-ye$, $-hhe$, $-ne$, $-(u)zzi$, $-ae$; урартских: $-he(ne)$, $-ini/e$, $-usi$, $-(a)j$.

Падежные отношения выражаются в хурритском отдельными частицами типа послелога. Эти частицы могут присоединяться не только к основе, но и к основе + притяжательное энклитическое местоимение²⁷.

Послелоги имеют тенденцию превратиться в падежные окончания. Эта тенденция нашла полное выражение в урартском, где послелоги превратились в настоящие падежные окончания, причем дифференцировались особые формы для единственного и множественного числа.

Формы выражения падежных отношений в обоих языках таковы:

	Х у р р и т с к и й		У р а р т с к и й	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Эргативный падеж	$-\bar{s}$	$-a\bar{z}-us$	$-\bar{se}$	$-a-\bar{se}$
Абсолютный падеж	$-$	$-a\bar{z}$	$—^{28}$	$-li$
Родительный падеж	$-ue$	$-\bar{z}-(u)e$	$-(j)e^{29}$	$-a-\underline{u}e$
Дательный падеж	$-ua$	$-\bar{z}-(u)a$	$-e(t.e.=a?)$	$-a-\underline{u}e$
Местный падеж	$-(i)a, -(u)a$	?	$-a$	$-a$
Падеж состояния	$-a^{30}$	?	$-a^{30}$	?
Инструментально-отложительный падеж	?	?	$-ni$	$-a-ni$
Направительный падеж . .	$-t/da$	$-a\bar{z}-ta$	$-edi^{31}$	$-a-idi^{31}$ $-a\bar{s}te$
Совместный (сравнительный) падеж	$-ra$		(нет)	(нет) ³²

Характерной чертой хурритского языка является так называемый «перенос показателей»: для выражения связи внутри группы слов в пределах предложения конечный показатель (или показатели) грамматических отношений одного слова повторяется при определениях и других словах, связанных с данным словом.

Имеется также специальная атрибутивная (соотносительная) частица (ед. число $-ne$, мн. число $-na$), указывающая на связь между словами, например: «боги отца царственные...»:

²⁵ В падежном окончании направительного падежа множественного числа $-a\bar{s}te$?

²⁶ Формы послелогов комбинаторно изменяются и в хурритском.

²⁷ Притяжательное местоимение: хурритское: ед. число $-if$, $-o$, $-(i)ia$ (или $-di$), мн. число $-if-a\bar{z}$, $?$, $-i\bar{i}-a\bar{z}$; урартское: ед. число 1-го лица $-uki$, 3-го лица $-ija$ ($-je$); другие неизвестны.

²⁸ Наблюдается еще формант на $-ni/e$; это не особый падеж, так как не выражает никакого особого, отличного падежного отношения; роль его — либо детерминирующая (из указательного местоимения ini), либо «соотносительная», как у хуррит. $-ne$.

²⁹ Родительный падеж нередко заменяется образованием притяжательного прилагательного на $-ini$, $-he(ne)$.

³⁰ С поглощением гласного основы: например, урарт. $guni\bar{s}a$ (от $guni-\bar{s}e$ «битва») «битвой, в состоянии битвы».

³¹ Из значащего хурритского edi «ради».

<i>en(e)-</i> «бог»-	<i>-na-</i> атр. част.-	<i>-z̄-</i> мн. число-	<i>-uš-</i> эрг. падеж-	<i>atta(i)-</i> «отец»-	<i>ne-</i> атр. част.-
<i>-ne-</i> род. падеж-	<i>-na-</i> атр. част.-	<i>-z̄-</i> род. падеж-	<i>-uš-</i> мн. число-	<i>z̄arra-</i> «царь»-	
<i>-šē-</i> суфф. абстр.-	<i>-he-</i> суфф. притяж.-		<i>-ne-</i> род. падеж-	<i>-na-</i> атр. част.-	
<i>-z̄-</i> мн. число-	<i>-uš-</i> эрг. падеж-	 (следует переходный глагол).			

В урартском частица *-ni/e*, повидимому, также наличествует, хотя ее употребление еще не уточнено. Что касается до «переноса показателей», то это явление сохраняется, может быть, только пережиточно, в застывших выражениях.

Хурритский глагол еще более сложен и менее изучен, чем шумерский. Спрягаемая форма глагола, всегда начинаясь с основы, принимает целую цепочку суффиксов разнообразного значения. Урартский глагол значительно проще (правда, нам известны далеко не все его формы), но органическое родство обоих языков видно и на материале этой грамматической категории.

Строго различается спряжение глаголов переходных и непереходных. Существует особый показатель переходности [хуррит. *-i-*, *-u-*, встречающееся перед отрицанием *-ne-* и перед итеративным (?) показателем *-kk-*; урарт. *-u-*, *-i-*] и непереходности (хуррит. *-o-*, *-a-*, урарт. *-a-*). В хурритском глаголе условно различаются «презенс», «перфект» и «футурум», но не вполне ясно, действительно ли это времена, а не виды. «Перфект» и «футурум» имеют показатели *-ōz-*, *-ed-* для переходных, *-ōst-*, *-citt-* для непереходных глаголов. После показателя времени в хурритском глаголе могут быть суффиксы *-št-*, *-imbu-*, *-id(o)-*, значение которых неясно. Далее следует показатель переходности или непереходности, суффикс итеративности (?) или отрицания (*-kk-* и *-ne-*). Затем может следовать еще новый суффикс (*-i/el*, *-ol-* или *-i/en-*, *-on-*) неясного значения и, наконец, — показатель субъекта (эти показатели различны для непереходного и переходного глаголов; последний может иметь еще и показатель объекта, который совпадает с субъектным показателем непереходного глагола). Субъектные показатели переходного глагола различны в изъявительном наклонении и в желательном наклонении. Повелительное наклонение совпадает с желательным, с той разницей, что свойственное ему окончание 1-го и 2-го лица *-i/e* примыкает здесь непосредственно к основе.

Сослагательное наклонение, или наклонение вероятности (?), имеет неизменяемый по лицам и числам показатель *-eṣa*, и если данный глагол — переходный, то субъект при нем может стоять в абсолютном, а не в эргативном падеже. Может следовать также отрицательный суффикс (*-ki-*), а затем и энклитический союз (*-an*, *-ma*, *-tan*, *-ma-an*).

В урартском нам хорошо известно только одно «время» (или вид) — повествовательное, совпадающее по форме с хурритским «презенсом». Форма «будущего времени» (или, скорее, наклонения вероятности) характеризуется (в 3-м лице) окончанием *-lie*, *-le*. Известны отдельные формы других времен и различных наклонений. Повелительная форма совпадает с хурритской.

Из разнообразных глагольных суффиксов хурритского языка в урартском выжили суффикс *-ul[-ol]*, столь же неясный, как и в хурритском, и показатели переходности и непереходности. Кроме того, как суффиксы

основы встречаются *-št-* (=хуррит. *-št-*) и др. Отрицание выражается отдельным словом *u/(e)*, которому соответствует хурритское категорическое отрицание *uia*. Внутри глагола отрицание, повидимому, не выражается.

Форманты, выражающие субъект и объект в глаголе, в хурритском и урартском следующие:

Субъектные при переходном глаголе:

Хурритский	Ед. число	Урартский
1-е лицо <i>-(a)f</i>		<i>-bi</i> (чит. [<i>-və?</i>])
2-е лицо <i>o-</i>		<i>?</i>
3-е лицо <i>-(i)̣a</i>		— ³² (но <i>-a</i> при объектном показателе 3-го лица мн. числа)
Мн. число		
1-е лицо <i>-af-za</i>		<i>-še?</i> (<[<i>-v-še?</i>])
2-е лицо <i>?</i>		<i>?</i>
3-е лицо <i>?</i>		<i>-(i)tu</i>

Субъектные при непереходном глаголе ³³:

Хурритский	Ед. число	Урартский
1-е лицо <i>-tta</i>		<i>-di</i>
3-е лицо —		<i>-bi</i>
Мн. число		
1-е лицо <i>-t/di-lla</i>		<i>?</i>
3-е лицо <i>-lla</i>		<i>-li/e</i>

Хурритские объектные (при переходном глаголе) и субъектные (при непереходном глаголе) ³⁴ показатели суть не что иное, как энклитические личные местоимения, которые могут присоединяться и к именному сказуемому; вообще непереходный глагол стоит генетически в тесной связи с именным сказуемым. Наиболее наглядно это видно на примере спряжения связки *tapn-* «быть» ³⁵, где основа может выступать почти в чистом виде (лишь с прибавлением показателя *-a*, *-i* или *-u*) ³⁶.

Причастные формы образуются по-хурритски на *-i* (причастие — имя действия от переходного глагола), на *-u* (причастие — имя состояния от переходного глагола) и на *-a* (причастие непереходного глагола). В некоторых случаях причастия получают дополнительный суффикс *-b/p*. Форма

³² Показатель *-li*, обычно считающийся за субъектный, в действительности, повидимому, объектный.

³³ В основном, совпадают с объектными показателями при переходном глаголе.

³⁴ Ряд западноевропейских исследователей, хотя и с некоторыми оговорками, рассматривает эргативную конструкцию как пассивную. Однако рассматривать эргативную конструкцию в древневосточных языках как пассивную нельзя: для данных языков типичным является именно отсутствие противопоставления активного и пассивного залогов. Характерно, что не только в шумерском и хурритском, но и в аккадском исследователями различаются, как активные и пассивные, только причастия, т. е. именные формы, которые в действительности могут и должны рассматриваться как причастия действия и причастия состояния.

³⁵ Наряду со связкой «быть» предикативный характер имеет, повидимому, местоименный (?) суффикс *-n(n)-*, часто присоединяемый в хурритском к имени. Явно местоименное происхождение связки *tapn-* в хурритском (урарт. *tap-*) очевидно.

³⁶ Происхождение этого показателя неясно; скорее всего показатель *-a-* в хурритском есть показатель непереходности, а *-i-* связано с местоимением 3-го лица, но понято как показатель переходности (поэтому соответственно и закономерно в урартском *-u-*, обобщенное на все формы). Или в урартском надо читать *-o-*?

причастий может быть предикативной и в качестве таковой принимать не только личные, но и «временные» показатели.

Инфинитив образуется при помощи суффикса *-um(mi)*.

Имя абстрактное образуется при помощи суффикса *-še*. Тот же суффикс служит как номинализующий показатель придаточного предложения (См. выше об образовании придаточных предложений в шумерском языке.)

Система глагольных имен в урартском не вполне ясна. Повидимому, инфинитив выражается суффиксом *-di/e*, причастие действия — суффиксом *-uri*, причастие состояния — суффиксом *-a(j)uri*. Имя абстрактное выражается при помощи суффикса *-še*. Придаточное предложение вводится подчинительными союзами и особого оформления не получает.

Порядок слов в хурритском твердый, закрепленный агглютинацией цепочек значащих слов, частиц и различных показателей (определение по с л е определяемого, субъект впереди предиката): «Я слышал, что Келия и Мане ушли»:

<i>Keliṣa-an</i>	<i>Mane-nn-an</i>	<i>ḥaṣ-ōṣ-aḥ</i>	<i>itt-a-še-a</i>
«Келия-и»	«Мане-он-есть-и»	«слышал-я»	«ушел-он-что-в состоянии».

В урартском порядок слов более свободный.

Сочинение — в хурритском главным образом при помощи энклитических союзов (*-an*, *-maṣ* и т. д.), в урартском — при помощи союза *e'i* и др.

Примеры из лексики:³⁷ Личные местоимения (кроме хурритских энклитических): ед. число: 1-е лицо хуррит. *ište* (эрг. *iṣa-š*)³⁸, урарт. *ješe*, 2-е лицо хуррит. эрг. *ḫe-š*, 3-е лицо хуррит. *ma(ni)*, урарт. *mani(?)*; ср. *masi* «свой».

Указательные местоимения: хуррит. *andi*, урарт. *ini*³⁹ и мн. др. Относительные местоимения: урарт. *ali* и др.; ср. также хуррит. *oli*, урарт. *uli* «другой».

Имена существительные: хуррит. *attai* «отец», *amma* (?) «мать», *am-mati* «дед», *pudgi* «сын», *šala* (урарт. *sila*) «дочь», *zēna* «брат», *ela* «сестра», *ašti* «жена, женщина», урарт. *lutu*, *ḫedia* «женщина»; урарт. *kuri* «нога», хуррит. *tiṣa* «сердце», *uthuru* «сторона, бок»; хуррит. *ḫaṣer*⁴⁰ (м.б. = урарт. *ḫiṣra*) «земля», хуррит. *eše* «небо», *taršūca* (урарт. *taršua*) «человек», хуррит. *tur(u)*- «мужчина» (?), *ene* «бог», *omini*, урарт. *ebani* «страна», урарт. *pataṛi* «город», *baba-* (хуррит. *paba-*) «гора», хуррит. *šiṣe*, *šiṣe* «река», урарт. *ṣiṣe* «озеро, море», хуррит. *šali* (*zali*?) «дом», хуррит. *purna* «дом», хуррит. *aḫ(a)ri* «поле», урарт. *ṣari* «роща, сад», хуррит. *keldi* «лес».

Глаголы: хуррит. *tan-* «делать» (урарт. «создавать?»), урарт. *šad-(zad-?)* «делать», *šid-* [хуррит. *pīz-* (?)] «строить», *itt-* (урарт. *ušt-* из **an-št-*?) «выходить», *un-* «приходить», урарт. *ul-*, *nun-* «приходить», хуррит. *ar-* (урарт. *ar-*) «давать», *ag-* (урарт. *ag-*) «направлять», хуррит. *par-* (урарт. *par-*) «(за)брать», *kul-*, *kad-*, урарт. *ti-*, *tia-* «говорить» (ср. хуррит. *tiṣe* «слово»).

Прилагательные: хуррит. *teae* (урарт. *ṭeae*) «большой», урарт. *tara(j)e* «большой», хуррит. *fahr-*, *fahrae* «хороший», *keḫ-ar-* «истинный», *fant-* «правильный», *aṣḫu-* «высокий», *tubuae* «сильный» и др.

Числительные: хуррит. *šin* (*zin*?) «два», *kig?* «три», *tumni* «четыре».

³⁷ Известно (по звучанию и значению) около сотни хурритских и около 250 урартских слов.

³⁸ Супплетивно: косв. падеж *ḫu-ḫe*; ср. урарт. *ṣuki*?

³⁹ В урартском существует целая система указательных местоимений, модифицируемых для указания на близкие и далекие предметы присоединением местоименного суффикса *-uki* «мой» и др.

⁴⁰ Хуррит. *ḫiḫk*, поэтому вполне вероятно, что хуррит. *ḫaṣer*- равно урарт. *ḫiṣra*.

šinda (*zitta* ?) «семь», *nīzi* ? «девять», *etan* «десять», *nubi* (урарт. *atubi*) «10000».

Число заимствованных слов (из аккадского, отчасти из шумерского) в хурритском и урартском довольно велико, например: хуррит. *ziluppa* < аккад. *suluppi* < шумер. *su₁₁-lum* «финик», урарт. *hubiše* < аккад. *hubšu* «шлем» и др.

Несколько слов о названии, месте и времени обитания хурритов⁴¹. Хурритские диалекты (очень близкие между собой) были распространены в III—II тысячелетиях до н. э. в обширной области к северу от Южного Двуречья — от гор Загроса на окраине Иранского плато до северной Сирии и гор Тавра. Северная граница их обитания в это время не может быть установлена. Эта область носила по-шумерски в III тысячелетии до н. э. название *Su-bir₄* (*bir₄* «степь»), у аккадцев — *Subartum*, *Šubartu*, а племена, населявшие ее, назывались по-аккадски субарскими. В I тысячелетии до н. э. «Субарту» — условный географический термин для Ассирии, Северной Месопотамии и т. д. Важнейшее из государств, образовавшихся на этой территории (вторая четверть II тысячелетия до н. э.), носит в некоторых документах название «*Mitanni*, *Mitāni*, *Maitēni*», в других — «*Hanigalbat*, *Haligalbat*». Полунезависимая часть его (вероятно, на верхнем Евфрате и близ верховий Тигра) называлась в хеттских документах того же времени *Hurri*. Язык, распространенный на всей этой территории, носил у хеттов и у самих хурритов (?) название хурритского (хетт.-несит. *hurili* «по-хурритски», хуррит. *hurrohe* «хурритский»).

Помимо немногочисленных надписей и документов конца III—первой половины II тысячелетия до н. э. (в том числе литературных текстов и глосс из богаз-кёйского архива), хурритский язык засвидетельствован в глоссах — в документах из Нузу около Керкука и письмах из Сирии в тель-эль-амарнском архиве, а также в топонимике и собственных именах (см. карту). За исключением отдельных сомнительных случаев, хурритская топонимика и ономастика не встречается к востоку от западной окраины Иранского плато.

В I тысячелетии до н. э. незначительная часть хурритов, судя по топонимике и ономастике, сохранилась главным образом в долине верхнего Евфрата и в горах Армянского Тавра, вплоть до озера Урмии. Грекам они были, повидимому, известны под именем матиенов.

3. Эламский и другие «каспийские» языки

Эламских текстов несравненно меньше, чем шумерских, но все же количество их сравнимо с количеством урартских и значительно превосходит число хурритских; несмотря на это, эламский язык изучен пока гораздо слабее описанных выше языков Древнего Востока, и, в частности, до сих пор нет ни одной грамматики эламского языка⁴².

⁴¹ Соответствующие сведения об урартах см. в работах Г. А. Меликишвили и Б. Б. Пиотровского. Следует заметить, что старое чтение *Harri* основано на неправильно прочтенном знаке.

⁴² Грамматический очерк позднеэламского языка Вейсбаха (F. H. Weisbach, *Die Achämenideninschriften zweiter Art*, Leipzig, 1890) грешит произвольным схематизированием по нормам индоевропейской грамматики и должен считаться безнадежно устаревшим. Отдельные вопросы см.: G. G. Cameron, *The Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948; G. H. Sing, *Die Sprache Elams*, Breslau, 1908; его же, *Die elamische Iteration*, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XVIII, 1904; F. Bork, *Elam. B—Sprache*, «Reallexikon der Vorgeschichte», III, 1925; W. Hinz, *Elamisches*, «Archiv orientální», vol. XVIII, № 1—2, 1950; R. Labat, *Note sur la conjugaison élamite*, «Journal of Cuneiform Studies», vol. I, New Haven, 1947, и др.

Памятники эламского языка по характеру резко разделяются на две группы: старо-, средне- и новоэламские (2500—1600, 1600—700, 700—550 гг до н. э.), с одной стороны, и позднеэламские (у Н. Я. Марра «мидские») — с другой. Последние представлены эламскими переводами надписей ахеменидских царей Персии (VI—IV вв. до н. э.) и деловыми документами из Суз (VI в. до н. э.) и Персеполя (конец VI — начало V в. до н. э.). По письму позднеэламские тексты практически не отличаются от новоэламских; в языковом отношении позднеэламский язык является также продолжением новоэламского. Однако для характеристики эламского языка позднеэламские тексты, несмотря на обилие билингв, могут быть привлечены лишь с большой осторожностью. Дело в том, что эти тексты — даже одноязычные — представляют собой подстрочные переводы с древнеперсидского, с сохранением иранского синтаксиса и, повидимому, с большими искажениями в морфологии. К тому же позднеэламские тексты наводнены иранской лексикой, преимущественно древнеперсидской, в меньшей мере мидянской. Что же касается более ранних эламских текстов, то среди них билингв фактически не имеется, и это обстоятельство приводит к тому, что ранние тексты понимаются с трудом.

Приблизительный фонетический состав эламского языка:

Г л а с н ы е: *a, e, i, u*, возможно *o*; имея в виду частое графическое чередование *i* и *u*, некоторые исследователи предполагают наличие губного гласного переднего ряда, но это явление, может быть, имеет другое объяснение. Возможно наличие назализованных гласных.

С о г л а с н ы е: *p, t, c* (аффриката неясного качества, транслитерируется так же как *š, z*), *s, š, k, h, j, m* (читать также и *v*), *n, l, r*. Вопрос о наличии в эламском языке звонких не может считаться разрешенным.

Основа — как имени, так и глагола — неизменяемая. Форманты присоединяются по агглютинативному принципу, только суффиксально; однако суффиксация эга в материальном отношении существенно разнится от хурритской. Роды и классы в имени не различаются.

Для имени характерны следующие основные четыре показателя: показатель неопределенной единичности *-(i)r*; показатель определенной единичности *-(i)k*; показатель коллективности или абстрактности *-(um)te*; показатель множественности *-(i)p*. К этим показателям иногда присоединяются гласные *-a, -i/e*, но функция последних неясна.

Указанные показатели подвержены правилу «переноса показателей» (они повторяются при словах, грамматически связанных с данными, и выражают тем самым эту связь). Отличие от «переноса показателей» в хурритском — то, что там переносятся «падежные» и атрибутивные показатели, здесь же — показатели определенности и числа: «О боги, управляющие всеми богами»:

<i>e napp (-ip)</i>	<i>paḥa-p</i>	<i>ak-p-ip</i>	<i>napp-ip-ip³</i>
«о боги	управляющие (много)	все (много+много)	бог (много+много)»

Падежных окончаний, даже в полуразвитой форме, как в шумерском или хурритском, эламский язык не знает. Как видно и из приведенных примеров, определительные отношения, а равно и субъектно-объектные получают чисто синтаксическое выражение (с этим связана малая употребительность в эламском притяжательных местоимений)⁴³. Определение стоит после определяемого.

⁴³ Эламский имеет энклитические притяжательные местоимения: ед. число 1-го лица *-mi*, 2-е лицо *-ne*, 3-е лицо *-nita(-me)*, мн. число 1-го лица *-nika(-me)*, но притяжание выражается в эламском и постановкой личного местоимения в синтаксическое положение определения.

Существует, однако, целое множество энклитических п о с л е л о г о в, выражающих пространственные отношения, например: *-ikki*, *-ikka* «к», «на», «у»; *-ma* «на»; *-atima* «в»; *-mar* «из», *-itaka* «с», *-appuka* «перед», *-ahla* «для» и другие. Многие из них — составные (*-atima*, *-itaka* и т. д.). Бесспорно составные: *-ikkimar* «от», *-šatamatak* «рядом», *-intikkak* «по причине» и многие другие. Иногда возникает целое нагромождение послелогов, сливающееся функционально в один послелог (явление, отличное от шумерского скопления показателей падежных отношений разных имен в конце синтагмы): *kapnuške sunki-na-ma-mar* «изнутри казны царя». Пространственного же происхождения, повидимому, и послелог *-na*, употребляемый иногда для выражения отношения родительного падежа. В среднеэламском эту функцию несет и послелог *-ma*.

Несмотря на отсутствие падежных окончаний, эламский — язык эргативного строя. Это видно из строгого различия переходных и непереходных глаголов. Непереходный глагол в простейшем виде состоит из основы (в сущности, именной) с именным показателем (*-r*, *-k*, *-p*), в синтаксической позиции предиката. К этой форме может присоединяться суффикс *-t(a)*, *-t(i)* неясного значения (повидимому, на место *-t* могут помещаться и некоторые другие простейшие суффиксы); между основой и именным показателем может помещаться перфективный (?) показатель *-ma(n)-*.

Немного сложнее и переходный глагол. В наиболее распространенной финитной (повествовательной) форме к основе, повидимому, присоединяются личные субъектные показатели [*-hu*, *-h* или ноль для 1-го лица ед. числа, *-(h)ši*, *-š(u)* — для 3-го лица; в отношении отождествления других форм возможны колебания]. Перфективное *-ma(n)-* и неясное *-t(a)*, *-t(i)* могут присоединяться и здесь, но, кроме того, повидимому, возможно и включение в глагольную форму объектного показателя (особой объектной формы местоимения), в частности, после основы и перед перфективным показателем.

Общее число глагольных форм незначительно. Некоторые из них не объяснены. Повелительная форма образуется при помощи суффикса *-š(i)*, *-š(u)*; имя действия — при помощи суффикса *-man(a)*. Другие глагольные имена представляют чистую основу с именными показателями и в синтаксическом положении имени.

Примеры из лексики⁴⁴. Личные местоимения: ед. число: 1-е лицо (*h*)*u*, 2-е лицо *ni*, *ni*, 3-е лицо (= указ. местоимение) (*h*)*e*, *i*; мн. число: 1-е лицо *nika*-(*me*), 2-е лицо *nun*(?), 3-е лицо (= указ. местоимение) *ar*. Относительные местоимения: *akka* (о людях), *appa* и др.

Имена существительные: *atta* «отец», *amma* «мать», *šak* «сын», *pa*-(*r*) «дочь», *ike* «брат», *šut* (?) «сестра», *ruhu-šak* «внук, потомок», *rutu* «жена»; *kirpi*, *kurpi* «рука, сторона, сила», *siri* «ухо», *urte* «глаза», *muri* «земля» (кассит. *miri-jaš*, *jaš* «земля»), *hal* «страна», *patin* «область», *humaniš* «город» (заимств.?), *kik* «небо», *ruhu* «человек», *nap*(*pi*) «бог», *šana* «госпожа, богиня», *sunki* «царь».

Глаголы: *catu*- «делать» (?), *cikki*- «ставить», *hali*- «делать, работать», *huma*- «брат», *hutta* «делать», *en*-(?) «быть», *eta-me* «выход, ворота» (кассит. *ete* «выходить»), *lapri*- «приходить, прибывать», *marri*-, *mauri*- «брат, схватывать», *na*- «говорить», *pattu*- «держат, ставить», *tu*(*ni*)- «давать», *šinni*- «выходить, прибывать».

Прилагательные: *ukku*, *aca*, *irša*(*rra*), *riša*(*rra*) «большой», *haha* «хороший».

Числительное: *ki*-(*r*) «один».

Отрицание: *inri*, *inne*.

⁴⁴ Известно (по звучанию и значению) до 300 эламских слов разных языковых родов.

Число заимствованных слов уже в старо- и среднеэламском велико: *calmu* < аккад. *salmu* «изображение, статуя», *erini* < аккад. *erīnu* «кедр», *karaš* < аккад. *karāšu* «войско», *puhur* < аккад. *puḫru* «собрание», *man-nat* < аккад. *mandattu* «дань», *melku* < аккад. *malku* «правитель», *palak-me* «работа» < аккад. диал. *palāhu* «работать», *tahu-* «помогать» < шумер. *taḥ-* «помогать» (?).

В позднеэламском очень велико число иранских заимствований (на-пример, *tajauš* < др.-перс. *dahyauš* «страна», *kanca parra* < др.-перс. *gan̄zabara* «казначей», *tatta* < др.-перс. *data-* «закон», *šijatiš* < др.-перс. *šiyatiš* «благо» и др.). Есть заимствования из арамейского.

Памятники эламской письменности были в III тысячелетии распростра-нены по крайней мере от центрального Ирана (Тепе Сялк) и Фарса (Бендер-Бушир, Накш-и-Рустем, Фахлиун) до равнины рек Керхи и Каруна в ны-нешнем Хузистане, где и был расположен собственно Элам с его столицей Сузами. Древнейший читаемый памятник эламского языка — договор с аккадским царем Нарам-Сином — восходит к XXIII в. до н. э.

До нас дошло в вавилонской передаче около 50 слов, а также несколько десятков собственных имен из касситского языка — языка соседнего с эламитам горного племени; хотя материал очень невелик, все же есть основания предполагать родство этого языка с эламским⁴⁵.

К той же группе, возможно, относился распространенный в горах Западного Ирана III—I тысячелетий до н. э. луллубейский язык, для кото-рого, как полагают, можно (на основании чередования форм *lullu*, *lullu-p/b-* и *lullu-mê*) установить наличие эламских суффиксов множествен-ного числа *-p* и *-me*. Предполагают, что сюда же следует отнести известных древнегреческим авторам в юго-западном Прикаспии (и, возможно, в раз-ных частях Иранского плато) каспиев, которых предлагается считать соименными касситам — **kašš-* (ср. аккад. *kašš-û* «кассит» с аккадским же суффиксом *-û*) плюс эламский суффикс множественности *-p*.

Если эти предположения оправдались бы, то мы имели бы основание говорить о довольно обширной «каспийской» группе языков, предшество-вавших индоевропейским в Иране и Азербайджане. Есть сведения и о раз-ных древних языках южного Азербайджана и Курдистана — кутийском, мехранском, маннейском, но данных для суждения об их характере пока нет.

Следует вкратце остановиться на странной теории, имеющей в послед-нее время хождение в Азербайджане и нашедшей место в работах члена-корр. АН Аз. ССР М. Ширалиева⁴⁶, которая представляет собой попытку вывести современный азербайджанский язык из «одного из древних мидий-ских диалектов», причем под мидийским языком имеется в виду в данном случае не иранский язык, известный под этим названием древним, а язык неиранского населения Южного Азербайджана — древней Мидии (оно за-свидетельствовано по крайней мере до VII века до н. э.). Язык этого на-селения автором произвольно отождествляется с позднеэламским языком.

Для доказательства своего положения М. Ширалиев приводит несколько «мидийских» (на самом деле — эламских) слов, в какой-то мере похожих на некоторые азербайджанские слова, не делая даже попытки сопоставить их на основе закономерных соответствий. Это же положение приводилось ранее и в его статье «Азербайджанский язык» (в БСЭ²) в доказательство

⁴⁵ См. G. Hüsing, Die Sprache Elams. Он даже считает касситский северо-эламским диалектом. Примеры касситских слов: *mašhu* «бог», *da-gigi*, *ilulu* «небо», *ulam* «дитя», *barḫu* (*barpak?*) «голова», *da-kaš* «звезда», *kukla* «раб», *туруһна* «ветер», *miri-zir* «земля», *saḫ* «солнце», *mali* «(зависимый) человек», *jaš* «страна».

⁴⁶ См. М. Ш и р а л и е в, Труды И. В. Сталина о языкознании и вопросы истории азербайджанского языка, «Известия АН Азерб. ССР», 1953, № 2, стр. 70 и сл. [на азерб. языке].

стадиальной перестройки (по Н. Я. Марру) «мидийского» языка в азербайджанский, а в новой статье оно используется уже для освещения вопросов истории азербайджанского языка в свете трудов И. В. Сталина.

Оставляя в стороне тот факт, что некоторые «мидийские» слова, приводимые М. Ширалиевым, либо вовсе не существуют⁴⁷, либо не существуют в такой форме и с таким значением⁴⁸, замечательно, что в качестве объекта сопоставления с «мидийскими» М. Ширалиев избрал не специфически азербайджанские слова, а такие, которые существуют и в других тюркских языках, например, в турецком, узбекском и прочих. Отсюда можно бы, как будто, вывести, что от пресловутого «мидийского» диалекта происходит не только азербайджанский язык, но и все те прочие тюркские языки, которые сохраняют данные слова. Другими словами, теория, выдвигаемая М. Ширалиевым, ведет к сомнительной идее древнего переднеазиатского происхождения всех тюркских языков.

В действительности, как показывает приведенный выше очерк эламского языка, между этим языком и тюркскими, кроме принципа агглютинации, известного столь многим языкам мира, очень мало общего. В структурном отношении к эламскому ближе даже корейский⁴⁹, чем тюркские. В материальном же отношении близость между эламским и современным азербайджанским не идет далее случайных сходств, какие встречаются в любых двух языках. Если когда-либо можно будет поставить вопрос о конечном родстве различных семей языков, при данном состоянии наших знаний выступающих как неродственные, тогда вопрос о родстве между эламским и тюрко-монгольскими языками, быть может, встанет в каком-то ином плане. Но совершенно очевидно, что даже в случае установления отдаленного родства между ними ни один из тюркских языков (ни, тем более, все тюркские языки в целом) не может быть прямо возведен ни к одному из предполагаемых диалектов эламского языка.

III

Подводя итог сделанному нами обзору языков Древнего Востока, не входящих в число семито-хамитских или индоевропейских, мы должны прийти к выводу, что разница между тремя установленными группами (или четырьмя, если считать хаттский язык) в материальном отношении — разительная, да и структурно, несмотря на известные общие черты, они проявляют столько черт различия, что нет пока никакого основания сводить их в одну «хеттско-иберийскую» семью языков. Различие между шумерским, эламским и хурритским языками — не меньше, чем между любыми тремя языками трех разных языковых семей, объединяемых лишь общностью принципов синтаксической конструкции и связанных с нею грамматических явлений, например между языками индоевропейской, семитской и финно-угорской семей с их номинативной конструкцией. Можно, пожалуй, в немногих случаях установить внешнее сходство между отдельными лексико-морфологическими элементами, но вряд ли пока возможно говорить о закономерности звуковых соответствий. Нет общего языкового материала, нет единообразия закономерного расхождения в формах выражения грамматических категорий — значит, даже при

⁴⁷ Например, *дайише* «меняться», *кял* «дом», *ури* «большой» и т. д.

⁴⁸ Так, *гути*, *гутир* — это, вероятно, *kutu-*, *kuti-* «владеть, овладевать», а не «приносить»; «небо» по-эламски *kik*, а не *gug*, *gög*. Есть слово *kuk*, но оно значит «защита».

⁴⁹ Грамматическая структура корейского языка имеет много общего с эламским и еще более — с шумерским. Разумеется, что отсюда не вытекает родство этих языков. Вообще аналогии древневосточным языкам в отношении грамматического строя можно найти не в одних кавказских языках.

наличии известного сходства структурных принципов языка, нет языкового родства.

Правомерно ли в данном случае говорить, скажем, не о семье, а о «круге» языков, и чем объясняется известное структурное сходжение неродственных языков — вопросы, которые подлежат решению лингвистов-теоретиков. Нам важно лишь установить, что родства в обычном его понимании нет.

Конечно, и сравниваемые с древневосточными кавказские языки также представляют не менее четырех групп, настолько резко различающихся между собой по грамматическому строю, что для некавказоведа они кажутся не ветвями одной семьи, а, скорее, несколькими автономными семьями, между которыми прощупывается лишь родство некоего высшего порядка (поскольку возможно предполагать, что родство, устанавливаемое сейчас лишь в пределах отдельных семей, может быть в дальнейшем прослежено и между семьями). Но если в отношении кавказских языков все же намечаются известные закономерные фонетические и лексико-морфологические соотношения и на очередь ставится составление сравнительно-исторических грамматик (сначала для отдельных групп, а затем и для всех кавказских языков), то для языков Древнего Востока об установлении подобных соотношений пока не приходится думать. Наличный материал недостаточен не только для сравнительно-исторических изысканий, но и вообще для чего-либо большего, чем произвольные и гадательные сопоставления, которые могут лишь запутать вопрос и задержат, а не двинуть вперед развитие науки. На очереди стоит, конечно, лишь конкретная разработка древневосточных языков, а не построение априорных генетических схем⁵⁰.

Если расхождение между отдельными группами «хеттско-иберийских» и в том числе кавказских языков — лишь «...результат сложного исторического пути, пройденного в своем развитии этими языками»⁵¹, восходящими, однако, к общей основе, то, чем дальше вглубь времен, тем меньше должно быть расхождение и тем больше общности; это, однако, отнюдь не наблюдается.

Если учесть историческую сторону дела, то станет ясно, что даже труд но ожидать образования в древней Передней Азии больших, широко распространенных языковых семей с четкими генеалогическими соотношениями.

Главной исторической предпосылкой образования языковых семей⁵² является, в условиях первобытно-общинного, родо-племенного строя, фи-

⁵⁰ Крупнейший исследователь кавказских языков А. С. Ч и к о б а в а указывает (см. «Введение в языковедение», ч. I, М., 1952, стр. 227), что «попытки сближения с иберийско-кавказскими языками азиатических языков... пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования...» (т. е. общность иберийско-кавказских языков с древневосточными пока ничем не доказана), но в то же время заранее считает, что основная задача кавказоведов — в том, чтобы «...показать историческую общность хеттско-иберийского языкового мира ...п о к а з а т ь генетическую связь грузинского и других иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии» (см. статью А. С. Ч и к о б а в а «Сталинское учение о языке и наши задачи в области сравнительно-исторического языковедения», цитировавшуюся в указанной выше работе Е. А. Бокарева (см. «Вопросы языковедения», 1954, № 3, стр. 51); разрядка моя. — И. Д.]. Но не поддается ли здесь решение прежде, чем рассмотрены свидетельства? Не предвосхищается ли желаемый, но еще ничем не гарантируемый результат исследования? А что, если эта общность не будет обнаружена?

⁵¹ А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языковедение, ч. I, стр. 223.

⁵² На необходимость учитывать конкретную историческую обстановку языкового развития указывал еще М. Г. Д о л о б к о в статье «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии» (сб. «Советское языковедение», I, Л., 1935). В этой, несмотря на отдельные неприемлемые положения, весьма замечательной для своего времени статье автор, как известно, выступал против метафизико-идеалистического, каутскианского положения Н. Я. Марра о развитии языков «от множества к единству».

лиация племен. Но дело тут не только в том, что характерная для данной формации филиация племен ведет и к филиации языков, которую можно изобразить в виде генеалогического древа. Для того чтобы дело происходило таким образом, необходима еще одна предпосылка: подвижность разделяющихся племен. Проще всего это для кочевников, которым, к тому же, легче и естественнее поддерживать связь между далеко расселившимися филированными частями первоначального племени. Естественно, что у кочевников и у народов, недавно перешедших к оседлости, генеалогическая связь языков будет наблюдаться наиболее четко, а степень взаимопонимания отпочковавшихся племен долго будет велика (сошлемся на семитов, на тюркоязычные народы, на народы—носители иранской ветви индоевропейских языков: последние на огромном пространстве от Дуная до Индийского океана говорили в древности на весьма близких между собой языках). В разной степени и форме возможны отселение и генеалогическая филиация племен и их языков и при разных других видах производства, например, у лесных, охотничьих и подсечно-земледельческих племен. Большое значение имеет тот факт, что кочевые и лесные племена обычно расселяются за счет не освоенных или мало заселенных территорий, при наличии же старых насельников—иногда полностью вытесняют их, и лишь в незначительной мере поглощают их в своей среде.

Однако для собственно земледельческих племен отселение, а равно и регулярное поддержание связей между племенами представляет уже значительные трудности. В особенности это касается племен в районах древнего, прежде всего ирригационного (как речного, так и горно-ручьевого) земледелия⁵³. Здесь всякое передвижение населения возможно только в пределах определенных, уже и ранее густо населенных территорий. В результате происходит наслоение разноразличных групп населения на одной и той же территории⁵⁴, и в то же время наблюдается длительно изолированное языковое развитие в пределах замкнутых земледельческих очагов.

Как показывают антропологические данные, вытеснения коренного населения здесь обычно не происходит, и оно остается по своему составу, в основном, прежним, независимо от победы того или иного языка. Складывающееся в этих условиях продолжительное (нередко в течение многих столетий) двуязычие приводит к унаследованию от перодогвенных языков их фонетических и синтаксических систем, а также многообразных элементов лексики. Образование территориально широко разбросанных языковых семей затруднено; генеалогические связи становятся менее четкими, а иной раз и вовсе недоступны выявлению, зато усиливаются «межсемейные» языковые связи и роль субстратов. Само собой разумеется, что победа одного языка над другим и здесь ведет к сохранению морфологического каркаса и основного словарного фонда языка-победителя; однако можно проследить — даже в пределах уже установленных языковых семей,— что чем раньше на данной территории население перешло к земледельческой цивилизации, тем больше наблюдается своеобразие в соответствующих языках (прежде всего, в фонетике, в общем словарном запасе, в синтаксисе) и тем труднее проследить генеалогические отношения.

Как мы уже указывали, вся масса исторического, археологического, этнографического и антропологического материала указывает на генетиче-

⁵³ Напомним, что оседлое земледелие на Ближнем Востоке восходит еще ко временам мезолита.

⁵⁴ Следует при этом еще отметить, что сопротивляемость языка ассимиляции растет вместе с общественным развитием и возникновением национального самосознания. В древнейшие периоды эта сопротивляемость иногда бывает еще довольно слаба.

ские связи большинства современных народов Ближнего Востока, в особенности народов Закавказья, с народами Древнего Востока. Несомненно, что выявление тех или иных связей лингвистического характера между несемитскими и неиндоевропейскими языками Древнего Востока, с одной стороны, и кавказскими языками, с другой, представляет важную и интересную задачу. Но тем не менее нам кажется бесспорным вывод, что при существующем уровне развития науки положение о единстве всех этих языков носит априорно-декларативный характер⁵⁵. На очереди стоит разработка вопросов условий их развития; в дальнейшем предстоит задача — выявить наличие или отсутствие связи между каждым в отдельности из языков древней Передней Азии и кавказскими, в том числе установить, имеется или нет в каком-либо случае генетическое родство. Но нельзя и сходить (как из данного) из того, что, возможно, лишь будет (или не будет) установлено в результате такого исследования.

⁵⁵ И уже во всяком случае, рано давать название «кругу» или семье языков, само единство которых весьма и весьма сомнительно. Это — опять-таки предвосхищение результата исследования.